

Н. Н. МАСЛЕННИКОВА

ПОМЕЩИКИ И КРЕСТЬЯНЕ ПОРХОВСКОГО УЕЗДА ШЕЛОНСКОЙ ПЯТИНЫ К 40-м ГОДАМ XVI в.

В истории единого Русского государства, преодолевшего к XVI в. феодальную раздробленность, одними из первых шагов на пути централизации были укрепление границ и создание общерусского войска. Разработка поместной системы вела к разрешению обеих задач. Опережая другие районы, она началась с Новгородской земли в чрезвычайных условиях ломки боярского и крупного церковного землевладения правительством Ивана III.

Сравнительное исследование новгородских писцовых книг позволяет изучить этот процесс на различных его стадиях.¹ Преобладание поместий над всеми другими формами феодального землевладения впервые было отражено лишь в описании 1539 г.² В нем видны и те стороны поместной системы, которые сделали в дальнейшем неизбежным оформление крепостного права.

В Порховском уезде Шелонской пятины московское правительство довольно рано пришло к той норме верстанья служилых

¹ На основании детального и сплошного анализа новгородских писцовых книг XVI—XVII вв. ведется коллективное исследование аграрной истории Северо-Запада России. Настоящая статья затрагивает один из вопросов, связанных с развитием поместной системы в этом районе.

² В. П. Бернадский (Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961, стр. 324—325, 336) писал, что преобладание поместного землевладения установилось в Новгородских пятинах к началу XVI в. — на столетие раньше, чем во всем Московском государстве. А. Л. Хорошкевич считает, что окончательное оформление поместной системы было одним из первых результатов присоединения Новгорода и Твери (История СССР с древнейших времен до наших дней, т. II. М., 1966, стр. 127). Но уже А. И. Никитский (История экономического быта Великого Новгорода. М., 1892, стр. 193, 207) видел другую сторону процесса: московские великие князья содействовали возрождению черных крестьянских земель в Великом Новгороде. Лишь после довольно долгого пребывания в фонде дворцовых и оброчных великокняжеских земель эти территории были переданы помещикам.

людей, которая стала затем повсеместной.³ По своей экономике уезд был типично земледельческим (без больших городов и промыслов), поэтому сравнение описания 1539 г. с предшествующим, конца XV—начала XVI в., может быть плодотворным для изучения ряда вопросов: развития поместной системы, бюджетов и организации хозяйства землевладельцев различных категорий, положения и судеб крестьян.⁴

Развитие феодального землевладения в Шелонской пятине было медленным и сложным. Количество пустошей, например, к 1539 г. выросло: писцы отметили 51 пустошь и 65 пустых дворов (в книгах конца XV—начала XVI в. пустошей по уезду было 40, пустые дворы были редчайшим явлением). В 1539 г. пустоши составляли 14.2% поместных деревень, а в 1498 г. — 8.5%. Наряду с забрасываемым старым землям осваивались новые: в писцовые книги внесены по уезду 145 почишков. Иногда они были еще только «выставками», но в большинстве, даже находясь на кратковременной льготе, дворы в почишках были уже оцелены в обжах (по 0.5—0.25 обжи на почишок, более крупные почишки были исключением). Высев на обжу здесь был выше, чем на землях «старого поместья»: в среднем он составлял 5.6 коробы (при среднем высеве по уезду в 4.4 коробы). Земля на почишках давала лучший урожай, отсюда заинтересованность в них помещика, соглашавшегося не только предоставить льготу крестьянам, севшим на почишок, но мирившегося и с тем, что почишки не были прочным владением. Так, в Болчинском погосте 7 почишков, возникших в поместье князя Белосельского, были отданы Бутурлину, а Огаровы, потеряв свои почишки, взамен получили другие. У И. О. Володимерова в Пажеревичском погосте 7 почишков были «поставлены на лесу», в них были дворы служилые, крестьянские и бобылей без папши.⁵ Деталь «на лесу» многозначительна: погосты, где в первой половине XVI в. возникло особенно много новых поселений (Бельский, Никольско-Высоцкий, Рождественский, Дегожский, Михайловский на Узе), все богаты лесом, освоение земель в них экономически было наиболее выгодно.

³ По описанию 1539 г., в среднем на поместье Порховского уезда приходилось около 28 обож (в конце XV в. — 32 обжи). Это равнялось примерно 280 четвертям, или 140 дес. Оклад новика по уложению 1556 г. — 150 дес.

⁴ В конце XV—начале XVI в. в Порховском уезде известны 92 помещичьих хозяйства (2542.5 обжи, или 12742.5 дес.), в писцовых книгах 1539 г. содержится описание 86 поместий (2194 обжи, или 10970 дес.) — объем материала делает сопоставление правомерным. Развернутый анализ писцовых книг конца XV—начала XVI в. дан в работе «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начала XVI в.» (Л., 1971. Раздел II, глава 4. Порховский уезд, стр. 151—183).

⁵ ППК, т. IV, СПб., 1886, столб. 381—382.

Поместное землевладение выросло не только за счет новых земель, но еще заметнее вследствие перераспределения земель государством: были ликвидированы владения многих вотчинников — своеземцев и резко сократился фонд оброчных великокняжеских и дворцовых земель, составивших в конце XV в. 40% всех земель уезда. Помещики сделались основным слоем землевладельцев, палицо не только рост их численности и значения: многие из них получили от государства деревни и села, экономика которых была восстановлена и укреплена в течение нескольких десятилетий пребывания в фонде государства. Крестьянские повинности здесь были легче, чем у бывших владельцев — бояр и монастырей (и чем у помещиков по соседству): не применялось издолье, а фиксированные оброки давали выход хозяйственной инициативе крестьян.⁶

Такое изменение характера и размера повинностей крестьян в бывших владениях новгородских бояр имело большое политическое значение: после конфискаций крестьянское хозяйство стало развиваться в более благоприятных условиях, боярское новгородское землевладение было разрушено не только путем замены одних землевладельцев другими, но изменениями в самой основе феодального способа производства — крестьянском хозяйстве. Традиционные формы были подорваны таким образом, который исключал возможность возвращения к старым порядкам.

Из больших дворцовых волостей, по-видимому, пошли в раздачу помещикам Дегжа, Высокое и оброчная волость Белая (б. Юрьева монастыря). Лишь Смольна и Жедрицы оставались еще дворцовыми волостями, да в редких случаях писцовые книги отмечали совместное владение помещика и великого князя.⁷ Примером полной раздачи оброчной волости может служить волость Белая по книгам 1539 г.: из нее было образовано 12 местных владений размером от 14 до 25,5 обож.⁸

В отличие от первых помещиков, чьи владения в конце XV в. чаще всего были разбросаны и состояли из многих волосток, помещики 1539 г. имели поместья более компактные. К ним прибавлялись лишь «придаточные обжи», во всех случаях отмеченные писцами. За пределами уезда находились лишь 94 обжи местных владений (4,3% их земель вместо 23% в конце XV в.). Владение придаточными обжамп было менее прочным, чем «старым поместьем»: правительство часто передавало их от одного помещика другому и получало за них особую плату — алтын с обжи, сверх обожной дани. Обмен придаточных обож происходил нередко по просьбе помещика, чтобы сосредоточить

⁶ Аграрная история Северо-Запада России, стр. 171.

⁷ В Порховском окологородье деревня Марьино Дубрава, в Пажеревском погосте дер. Межник, в Ясенском погосте — дер. Дубеко.

⁸ Всего в волости было 171,5 обжи, помещикам было роздано 186,5 обож — земельная площадь выросла за счет починков (более 10).

его владения в одном месте. В Порховском уезде был единственный случай, когда поместье состояло только из придаточных обож, потому что один из Назимовых уступил братьям «старое поместье».⁹ Единичными стали случаи отдаленности придаточных обож, находившихся, например, в Околорусье.

К 1539 г. произошла нивелировка размеров поместных владений: наиболее распространенными стали владения от 20 до 50 обож (42.3% владений и 54.5% земли) и владения от 10 до 20 обож (41.2% владений и 26.4% земли). Менее 10 обож оказалось только у вдов или у младших членов помещичьих семей; по-видимому, многие из них были временными владениями, как это отмечалось при наделении поместьями вдов («на прожиток»).

Крупных владений, включающих более 50 обож, осталось в 10 погостах лишь 4, и каждое из них принадлежало нескольким помещикам: князьям Тулуповым — двоим братьям, Огаровым — шести братьям, Шишкиным — двоим братьям, Картмазовым — отцу с двумя сыновьями. Можно считать, что компактные поместья в 10—50 обож (50—250 дес.) с делением на две категории стали общепринятой нормой поместного верстания для Порховского уезда (в отличие от большего разнообразия в землевладении помещиков конца XV в.). Эти нормы намечались и в «новом письме» 1498 г.; политика, отраженная в нем, получила к 1539 г. дальнейшее развитие.

Кроме нивелировки размеров поместий, в писцовых книгах видно стремление правительства к сохранению более или менее устойчивого состава помещиков. Изучение этого состава дает право говорить о прямой преемственности в 35 владениях из 86: до 1539 г. дожили 6 помещиков «нового письма» и вдова еще одного из них;¹⁰ 28 поместий перешли к сыновьям (одному или нескольким).¹¹ 13 владений оказались у других родственников помещиков 1498 г.¹² Таким образом, в 48 поместьях из 86 мы встречаем людей из помещичьих фамилий конца XV в.

Кроме раздачи дворцовых волостей, вернее всего, имели место некоторый пересмотр поместий и пополнение состава их владельцев между двумя переписями.¹³ В Порхове появилась группа

⁹ НПК, т. IV, стлб. 406.

¹⁰ Всеславин С. В., двое Назимовых, князь Ряполовский С. И., Терпигоров И. Д., Татьяна И. О. и княгиня Белосельская.

¹¹ Ки. Белосельским и Тулуповым, Бутурлиным, Кваниным, Костиным, Лазаревым, Назимовым, Терпигоревым, Хлуденевым, Шишкиным, Вдовину-Неклюдову, Володимерову, Гридюкину, Картмазову, Спозину, Татьяшину, Тыртовым, Уиковскому, Челлокову.

¹² Кроме названных фамилий, еще Вороного, Карпова, Плещеева, Румянцевой.

¹³ «Дана в придаток (Чеботаевым) обож, потому что у них в старом поместье схода, а у пересмотра за собою в Москве не сказали». НПК, т. IV, стлб. 311.

новых для него служилых людей, многие были помещены сразу целыми семейными гнездами и положили начало новым помещичьим фамилиям — Огаровы, Мячковы, Шаблыкины, Палицыны, Селивановы. Получили в уезде поместье три сына подьячего Фуника Курцева. Владения двух «беспоместных» и двух подьячих были, по-видимому, другого рода — ближе к кормлению за службу в аппарате, чем к поместью конного воина. За новыми помещиками были в 1539 г. записаны 34 поместья из 86. Они получили землю главным образом из фонда оброчных великокняжеских и дворцовых земель и лишь небольшую часть владений нескольких умерших помещиков. Сопоставление конкретных 268 деревень, сохранившихся в описаниях начала XVI в. и 1539 г., показывает, что раздача помещикам дворцовых и оброчных земель великого князя расширяла поместное землевание территориально и быстро сближала экономический уровень новых и старых поместий.

Все более прочное и устойчивое пребывание помещиков в уезде вместе с другими условиями способствовало росту господской пашни: она занимала в 1539 г. 15,2% всей земли уезда (вместо 8,8% в конце XV в.) и была заведена во всех поместных владениях, кроме 8, где ее отсутствие объяснялось особыми причинами.¹⁴

Наиболее распространенными были господские пашни от 2 до 5 обож; у помещиков, имевших свыше 40 обож, она увеличивалась до 6—9 обож. Из числа самых крупных помещиков Шишкины имели господскую пашню в 6 обож, Огаровы и Картмазовы — по 11, князя Тулуповы (в Вышегородском и Сабельском погостах) — 36 обож.

Почти во всех владениях были большие дворы помещика (от одного до трех, если владельцами были братья), выросло число служных дворов, появилось 6 челядинских и 1 селянских двор, разрослись луговые угодья, увеличился высев на господской пашне (превысив в среднем крестьянский почти на коробью на обжу), на один служный двор стало приходиться большое количество господской пашни (около 2,2 обжи, или 11 дес.).

Писцовые книги 1539 г. не дают материала для утверждений о применении крестьянского труда на господской пашне, несмотря на ее увеличение. Во многих случаях писцы указывают на обработку господской пашни формулой «пашет с людьми». Но и указание книг «пашет на себя» почти всегда относится к хозяйствам, в которых есть слуги, и господская пашня складывается из наделов, которые они обрабатывают.¹⁵ В обработке

¹⁴ Господской пашни не было в небольших владениях двух подьячих, в прожиточных владениях двух вдов, в самых мелких поместьях от 2 до 6 обож и у В. Назимова, чье поместье состояло из одних придаточных обож и в силу этого не было прочным.

¹⁵ В Порховском уезде таких хозяйств 31.

господской пашни могли принимать участие бобыли, слуги без пашни, слуги, живущие на большом или челядинном дворах, «деловые люди».¹⁶ Речь идет главным образом о труде холопов, но подмеченное Б. А. Романовым еще для пачала XII в. положение, что «ни слово „холоп“, ни слово „челядин“ без дополнительной квалификации не выражало ничего, кроме того, что это человек, работающий на господина», еще в большей мере относится к XVI в.¹⁷

По-видимому, формула «нашет на себя» принципиального отличия от формулы «папеш с людьми на себя» в писцовых книгах 1539 г. не имеет.

Единственное упоминание писцовых книг 1539 г. о господской пашне в Околорусье, обрабатываемой крестьянами, появилось, очевидно, в связи с ее исключительностью или редкостью применения и подтверждает правильность наших наблюдений.¹⁸

В Порховском уезде только в одном поместье Гавриила Хлопова можно догадываться об участии в обработке господской пашни, кроме бобылей, трех крестьянских хозяйств, которые, в отличие от всех крестьянских дворов уезда, не имеют своей пашни.¹⁹

Крестьянская барщина на господской пашне в Порховском уезде к 40-м годам XVI в. распространения не получила. Она, возможно, начала расширяться при обработке луговых угодий помещиков. Невозможно думать о другом способе заготовки от 300 до 600 копен сена в хозяйствах, например, Огаровых, Лазаревых, Шишкиных.²⁰ В поместье Степана Сукова уборка сена крестьянами была уже традиционной (по сравнению с 1498 г. сильно вырос ее объем).²¹

Не рассматривая подробно изменений в структуре феодальной ренты, можно отметить возврат к издолью на части земель, где его не было к пачалу XVI в. (в итоге повинности частью урожая стали платить почти с половины крестьянских земель, а в конце XV в. издолье брали лишь с 40%). Привязанность помещиков к этой форме феодальной ренты могла корениться в том, что, ведя свое хозяйство в тесной близости с крестьянским, помещики могли лучше знать возможности крестьянского двора и состояние урожая, чем боярские ключники времен Новгородской республики или администрация дворцовых волостей.

Благодаря всем рассмотренным изменениям положение помещиков, ставших основным слоем феодалов Порховского уезда

¹⁶ НПК, т. IV, стлб. 267, 314, 317, 373, 382—386, 390—393, 407—408, 434 и др.

¹⁷ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 52.

¹⁸ НПК, т. IV, стлб. 334.

¹⁹ Там же, стлб. 414.

²⁰ Там же, стлб. 247—254, 278—280, 306—309, 316—321.

²¹ НПК, т. V, стр. 266; т. IV, стр. 302.

Шелонской пятины, к 40-м годам XVI в. экономически упрочилось и унифицировалось, их ряды расширились и стабилизировались, выросло собственное хозяйство помещиков.

Правительство прислушивалось к их требованиям, фиксируя заведенные ими повинности крестьян и пересматривая к их выгоде расположение и состав поместий.

Главной новой чертой в положении крестьян Порховского уезда, которую можно отметить по описанию 1539 г., было выравнивание величины их повинностей. На коробью посева приходилось в среднем 16.6 повгородской деньги: величина, не много больше той, которая приходилась в конце XV в. на коробью в среднем по уезду (15.7 деньга), но тогда эта средняя сумма складывалась из очень различных величин; на поместных владениях была значительно выше (18 денег), а на оброчных великокняжеских и дворцовых — значительно ниже (13 денег).²² К 1539 г. земли сосредоточились в руках помещиков, общий уровень повинностей ими был несколько снижен и не стало контрастов по отдельным владениям. По-видимому, между 1498 и 1539 гг. происходил процесс точного учета экономических возможностей крестьянских хозяйств, выравнивались размеры их повинностей, как будто было взято за образец среднее хозяйство. Действовал стихийный регулятор — реальная возможность запустения, толкавшая на установление общепринятых средних повинностей. Хотя уйти от помещика крестьянам становилось все труднее (вошел в силу единый срок ухода и его условия, ликвидировались дворцовые и крупные монастырские волости), они никогда не забывали об этом выходе.

В описании 1539 г. есть пример поместья в Пажеревицком погосте, где по-видимому, не предусмотрели возможности запустения, и результат получился небывалый. У помещика Вдовина (Неклюдова) Горяппа было 12 деревень, в них осталось, кроме помещичьего и двух людских, 4 крестьянских двора с четырьмя крестьянами (1 в припапой деревне, 2 в «воичих» и в деревне старого поместья). Из остальных 8 деревень в трех еще оставались пустые дворы, а в 5 не было и этого; для всех этих деревень запись одинакова: «пашни и дуга лесом поросли». Вместо обычной записи о повинностях писцы указали: «а доходу шло с тех деревень по старым книгам 10 гривен и 5 денег, а из хлеба пятна». ²³ Единственный раз было допущено такое исключение из общих правил: писцы, очевидно, предполагали возможность возвращения «в живущее» всех деревень и поэтому не зафиксировали создавшегося положения. Поместье досталось

²² Сильно снизились повинности на двор (с 78 до 62 денег), повысились повинности на обжа (с 55 до 72 денег), но главным показателем всей экономики крестьянского хозяйства окончательно стала коробья посева (как это намечалось и в конце XV в.).

²³ НПК, т. IV, стлб. 377—378.

Г. Вдовину после отца; описание 1498 г. по погосту не сохранилось, но по благополучному состоянию соседних владений в 1539 г. видно, что залустение было чрезвычайным и давним. Горяин Вдовин, быть может, не сделал того, что сделали его соседи: многие из них были вынуждены так или иначе уменьшить повинности крестьян. Снизилась сумма платежей с двора и коробы, причем это пришлось сделать даже тем помещикам, которые дожили до новой переписи, и сыновьям их ровесников (так, И. Терпигорев — его поместье было недалеко от владений Г. Вдовина — стал брать с обжи 72 деньги вместо 115; с коробы 19 денег вместо 23).

Сокращение доходов помещика с крестьянского двора возмещалось ростом господской пашни, а также значительным увеличением числа крестьянских дворов, происшедшим за счет деления больших дворов со сложными семьями, характерными для конца XV в. Вместо 1.46 человека (мужчины) на один двор стало приходиться 1.04 человека. Экономика крестьянского двора сделалась более напряженной: стало меньше работников, помещики учитывали с придирчивой точностью возможности крестьянской семьи при определении величины высева и состава повинностей.

Натуральные платежи крестьян феодалу сверх зерна, называемые в писцовых книгах мелким доходом, изменились, отразив выросшую изобретательность и возникающую сплоченность помещиков: во всех погостах они стали единообразными и по составу, и по размерам. В них обязательно входило мясо, бараны и лен, а в пользу ключников еще рожь, овес и куры. В отдельных поместьях, особенно в Ясенском погосте, перечень дополнялся хмелем, сырами, овчинами, даже солью (чувствуется учет местных возможностей!), основные же компоненты — мясо, бараны и лен — требовались от каждого крестьянского хозяйства, их доля в общей сумме повинностей по сравнению с концом XV в. выросла. «Мелкий доход» составлял 20.2% (вместо 18% в 1498 г.) доходов феодала. Так помещики, расширяя господскую пашню, продолжали требовать от крестьян заботы о наиболее трудоемких отраслях сельского хозяйства — животноводстве и льноводстве — и диктовали крестьянам обязательный при всех условиях рост поголовья коров, овец и домашней птицы.

Взыскательный учет помещиком всех доходов крестьянского двора, уменьшение крестьянских наделов по размерам запашки и сокращение размеров дворов, отраженные в писцовых книгах 1539 г., не могли не сказаться на сравнительной обеспеченности, достатке и судьбах крестьян уезда. Анализ экономики однодворных деревень подтверждает, что понижение жизненного уровня произошло в крестьянских дворах, перешедших к помещикам из фонда дворцовых земель и составлявших 40% всех дворов уезда. Если раньше в дворцовых и оброчных великокняжеских владениях возможно было появление богатой верхушки, а обни-

щание было уделом лишь единиц, то к 40-м годам XVI в. крестьянские дворы с достатком выше среднего приблизились к средним, а в деревнях появились десятки бобылей без пашни — новая категория сельского населения с шатким экономическим и правовым положением.

Некоторое снижение общего уровня коснулось и всех крестьян. Удельный вес дворов повышенного достатка (с запашкой в 9 коробей на двор и выше) уменьшился с 8 до 5% от общего числа дворов (а их высева с 16 до 12% общего высева крестьян). Удельный вес дворов с минимальными размерами запашки (менее 4 коробей) стал много больше: вместо 18.5% всех дворов он достиг 50%, в то время как удельный вес высева этих дворов повышался медленнее: в конце XV в. — 9.5%, в 1539 г. — 30%.

Многочисленной осталась группа дворов с запашкой в 5—6.5 коробей, ей по-прежнему принадлежало более четвертой части всех посевов. Если в конце XV в. экономику этих дворов можно было считать обычной, средней по уровню, в 1539 г. она уже отличается в лучшую сторону (даже если хозяйство платило полудиторный или двойной оклад обложения, таких полудтора- и двухоробжных было 42% дворов этой категории).

Изменилось распределение повинностей. Если в конце XV в. наибольшая их доля приходилась на дворы высокого достатка, с высевом в 7 и более коробей на двор, то к 1539 г. она упала с 44 до 21% общей суммы повинностей. Неизменной, около 50%, оставалась доля дворов среднего достатка, но сильно выросла доля низшей группы дворов с запашкой менее 4 коробей на двор: вместо 9% на них приходилось теперь 33% всей суммы крестьянских повинностей. Хотя повинности (на коробью) почти не увеличились, возросла их тяжесть для группы дворов самого низкого достатка, вместе с тем уменьшилась поляриность в размерах и возможностях хозяйств различных групп.

Из-за пзмельчания хозяйств в дополнительной рабочей силе (и в рабочем скоте) стали нуждаться 26% дворов (в конце XV в. — 16%). Работников в чужие хозяйства из-за своей низкой запашки могли давать 31% дворов (в конце XV в. — 18%). Крестьяне из беднейших дворов могли привлекаться не только к работе в зажиточных крестьянских хозяйствах, но и на помещичьих угодьях.

В Порховском уезде было 149 бобыльских дворов, т. е. около 7% всех дворов (от 2248 дворов), а в конце XV в. в уезде было всего два бобыля. Бобыльские дворы чаще всего встречаются в деревнях, где сильно увеличилась господская пашня или сенокосы (у князей Белосельских, Ряполовских и др.). Иногда можно предположить, что бобыль — сын или брат крестьянина.²⁴ Похо-

²⁴ Пример: Порховское Окологородье, дер. Клин: «дв. Иванко Макаров, дв. Мартинко Макаров, дв. бобыль Митка Макаров без пашни». НПК, т. IV, стлб. 316.

же, что положение бобылей было близко к положению слуг: «бобылей: дв. человек их дьяк Семенка, дв. Ивашко повар, дв. Иван Кобылица без пашни»; «дв. большой, дв. сам Семен (Шуштинки). А людей его: дв. человек его Васюк, дв. Власко бобыль».²⁵

Из характеристики положения крестьян по показателям писцовых книг следует, что к началу 40-х годов XVI в. уровень повинностей, остававшийся приемлемым для зажиточной и средней группы крестьян, привел к известной напряженности экономику дворов низшей группы, увеличившейся к этому времени.

Сопоставляя описания конца XV в. и 1539 г., можно проследить изменения, происшедшие с населением части деревень и дворов (по нашим погостам таких дворов 286). Из перечней людей в крестьянских дворах видно, что к 1539 г. только в 67 дворах из 286 жили потомки крестьян, понавших в перепись 1498 г., это составляет всего 23%, а в 77% дворов жили новые владельцы (не совпадает часто и количество дворов в деревне).²⁶ В составе помещиков мы видели обратное соотношение: более 70% старых владельцев и их родственников, около 30% — новых.

Можно привести примеры различной эволюции отдельных деревень — в ней отразились судьбы крестьянства. Из 166 деревень, по которым возможно сопоставление данных конца XV в. и 1539 г., в 19 (11.4%) произошел перевод крестьян для создания больших помещичьих дворов или для размещения в них слуг.

Редки примеры вполне устойчивого крестьянского хозяйства в двух поколениях. В дер. Жабера Ясенского погоста поместья Терпигоревых в 1498 г. во дворе записаны «Сенка Никифоров, дети его Якуш да Патрекейко».²⁷ В 1539 г. в дер. Жабера было уже два двора: в одном дворе жил сын Якуша, а другой двор был образован семьей младшего его брата Ивашки Семенова, не записанного еще писцами в 1498 г. В поместье другого Терпигорева в этом же погосте поселились Патрекейко Семенов и еще один брат Ондрейко.²⁸

Если младшие сыновья и братья крестьян конца XV в. часто являются среди населения деревень 30-х годов XVI в., то совсем исчезают из состава дворов дальние родственники и чужие люди, «подселявшися» зачастую во дворы конца XV в. Наоборот, родные братья, жившие ранее одним двором, оказываются в двух-трех разных дворах той же, ранее однодворной деревни или соседних деревень. Помещики и государство были заинтересованы теперь не в создании многолюдных сложных дво-

²⁵ НПК, т. IV, стлб. 316, 407.

²⁶ Конечно, преемственность между поколениями крестьянской семьи установить можно лишь с относительной точностью: в имени внука исчезала связь с именем деда, младшие сыновья не попадали в перечень и т. д.

²⁷ НПК, т. IV, стлб. 155.

²⁸ Там же, стлб. 447 и 448.

ров, как прежде, а в наибольшем их количестве. Поселение братьев по соседству, постоянно встречающееся в книгах 1539 г., было в какой-то степени выходом при недостатке рабочих рук и тягла.

Одновременно с завершением оформления поместной системы на Северо-Западе России к 40-м годам XVI в., несмотря на подвижность населения, переходы крестьян, дробление дворов, происходит стабилизация географии уезда. Подавляющее большинство деревень, записанных в писцовые книги в конце XV в., оказывается и в книгах 1539 г. И хотя число дворов в них увеличилось (в 88% деревень) или уменьшилось (12%), их перечень почти не изменился: распаханная земля и крестьянские дворы на ней представляли такую ценность, что даже после временного запустения восстанавливались в первую очередь.

Такой устойчивости существования деревень в XV в. не было, судя по писцовым книгам конца XV в., число деревень от «старого» к «новому» письму — самая изменчивая величина.²⁹ Это подтверждает мысль Б. А. Романова, что самое понятие и слово «деревня» позднего происхождения, их не было до XIV в., а в широкий обиход они вошли к XVI в. Б. А. Романов писал: «Широкое и бурное, массовое развитие поместного землевладения в XV—XVI веках переклестнуло наличность старых „сел“, и в раздачу пошли „деревенские“ комплексы и даже отдельные деревни». И далее (о Судебнике Федора Ивановича): «„деревня“ выступает как подлинная живая клеточка общественной ткани».³⁰

В книге 1539 г. видно и возникновение деревень из починок.

Противоречие стабилизирующей географии уезда и подвижности крестьянского населения коренилось в самой основе исторической обстановки: устанавливались границы единого государства, росли производительные силы деревни, но рост эксплуатации крестьян заставлял их сопротивляться переходам с места на место, создавать для помещиков угрозу запустения.

Снижение общего жизненного уровня крестьянского населения приводит к замедлению формирования зажиточной верхушки деревни. Но так как почти $\frac{3}{4}$ всех крестьянских повинностей уплачивалась деньгами (независимо от местонахождения деревень), крестьянство Порховского уезда поневоле продолжало втягиваться в товарно-денежные отношения.

Вынужденные переходы из одного поместья в другое мешали крестьянину прирасти к своей деревне, к своему двору; русские крестьяне к середине XVI в. экономически в большинстве своем еще не были разорены и обезземелены, а в социально-политическом смысле не были так бесправны и ограничены, как в позднейшие века, после установления крепостного права.

²⁹ Аграрная история Северо-Запада России, стр. 93.

³⁰ Б. А. Романов. Исследования о русском сельском поселении эпохи феодализма. В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.—Л., 1960, стр. 412, 413, 440.